

УДК 398.2 (=512.151/.157)
DOI 10.25587/2782-4861-2024-2-86-95



Т. Н. Николаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале якутского и алтайского эпических текстов)

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению базовых ценностных установок, составляющих ядро этнической культуры, на материале эпических текстов «Могучий Эр Соготох» («Модун Эр Соҕотох») и «Маадай-Кара». Актуальность исследования проблемы связана с перспективностью сравнительно-сопоставительного изучения языкового выражения ценностного осмысления действительности с привлечением широкой источниковой базы эпического наследия. В работе применяются: метод сплошной выборки, лингвокультурологический и интерпретационный анализы, сопоставительный метод. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из оригинальных текстов эпических сказаний, снабженных переводом на русский язык «строка в строку». Цель работы заключается в выявлении и описании универсальных и национально-специфических установок в ценностном восприятии окружающего мира, отраженных в языковых единицах эпических сказаний. В ходе проведенного исследования выявлено, что в обоих текстах закреплены такие базовые ценности, как семья, внимание к людям, безопасность, уважение к родителям, привязанность к малой родине, справедливость, здоровье и т. д., которые проявляют свою относительную стабильность во временном и пространственном измерении. Имеющиеся в каждой общности витальные, культурные, морально-нравственные, духовные, терминальные и др. ценности существуют в совокупности в одном контексте. Выявлено также, что жизнеутверждающий императив транслируется с позиции персонажей, например, отца и матери главных героев или от имени хозяйки Алтая, имеющих значительный опыт прагматического общения с окружающим миром и природой мировоззренческих установок обитателей пространства их бытования. Таким образом, формируется общая картина ценностей для передачи неопытным, молодым, либо тем, кто ищет ценностные опоры, чтобы познать самого себя и окружающих, находится в поисках ответов на многогранные вопросы человеческого бытия и т. д. Перспектива дальнейшей работы видится в более детальной и углубленной разработке доминирующих ценностей, детерминирующих нормы поведения в различных дискурсивных практиках родственных языков.

Ключевые слова: якутский героический эпос; алтайский героический эпос; ценности; лингвокультурные ценности; ориентиры поведения; аксиология; лингвокультура; олонхо; оценка ценностей; ценностные установки

Для цитирования: Николаева Т. Н. Лингвокультурные ценности в эпическом дискурсе (на материале якутского и алтайского эпических текстов). Эпосоведение. 2024, No 2. С. 86–95. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-2-86-95.

© Николаева Т. Н., 2024

© Nikolaeva T. N., 2024

НИКОЛАЕВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0002-7346-9737. E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

NIKOLAEVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the German Language and Literature Chair, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-7346-9737. E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

T. N. Nikolaeva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Linguistic and cultural values in epic discourse (based on the material of the Yakut and Altai epic texts)

Abstract. This article is devoted to the identification of universal and national values in the epic texts *Mighty Er Sogotokh* and *Maadai-Kara*. The relevance of the study of the problem is due to the growing interest in the comparative study of linguistic and cultural features in multi-system languages based on the material of epic texts. The following methods are used in the work: the continuous sampling method, linguistic and cultural and interpretative analyses, and the comparative method. The material for the analysis was extracted by a continuous sampling method from the original texts of epic tales, provided with a line-by-line translation into Russian. The purpose of the work is to identify and describe universal and national-specific attitudes in the value perception of the surrounding world, reflected in the linguistic units of epic tales. The study revealed that both texts enshrine such basic values as family, attention to people, safety, respect for parents, Homeland, justice, health, etc., which show their relative stability in the temporal and spatial dimensions. The vital, cultural, moral, spiritual, terminal, and other values available in each community exist collectively in one context. It is also revealed that the life-affirming imperative is translated from the position of the characters, for example, the father and mother of the main characters or on behalf of the mistress of Altai, who have significant experience in pragmatic communication with the outside world and the nature of the worldview of the inhabitants of the space of their existence. Thus, a general picture of values is formed for transmission to the inexperienced, the young, or those who are looking for value supports to know themselves and others, are in search of answers to the multifaceted questions of human existence, etc. The prospect of further work is seen in a more detailed and in-depth development of the dominant values that determine the norms of behavior in various discursive practices of related languages.

Keywords: Yakut heroic epic; Altai heroic epic; values; linguistic and cultural values; guidelines of behavior; axiology; linguistic culture; olonkho; assessment of values; value attitudes

For citation: Nikolaeva T. N. Linguistic and cultural values in epic discourse (Yakut and Altai epic texts as a case-study). *Epic studies*. 2024, no. 2. Pp. 86–95. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-2-86-95.

Введение

В современном мире ценностные установки приобретают особую значимость и привлекают внимание исследователей с позиции философских, психологических, педагогических, культурологических, социологических, филологических и др. концепций. Авторы работ отмечают происходящие в наше время серьезные изменения, которые связаны с динамикой трансформации механизмов самоидентификации современного человека в контексте аксиологического восприятия окружающего пространства.

В работе будем придерживаться определения ценностей как «смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни», данного В. И. Карасиком со ссылкой на мнение В. Л. Абушенко [1, с. 22]. В данном определении В. И. Карасик выделяет три характеристики: 1) смысловую природу; 2) мотивационную обусловленность; 3) ориентационный вектор. Н. Ф. Алефиренко отмечает, что ценности иерархически организованы (в каждой лингвокультуре существует своя шкала ценностей); они носят исторический характер (ценности могут меняться), но в то же время достаточно стабильны [2, с. 74]. Здесь следует указать на аксиологическую составляющую как форму существования самой ценности, которая подвергается шкалированию и ранжированию как со стороны социума, так и личности. Таким образом, человек в обществе оценивает окружающую действительность, себя, других и т. д., что мотивирует, в конечном счете, его ответную реакцию, выбор предпочтения определенной траектории поведения, жизненные приоритеты, ориентиры саморазвития и т. д.

Осмысление ценностей как базовой категории лингвокультурологии представлено в лингвистических исследованиях последних лет с привлечением достаточно широкого культурного

фона, в частности, Н. Ф. Алефиренко [2], С. В. Шевякина [3], В. И. Карасик [1; 4; 5], Л. Н. Федосеева [6].

Целью данного исследования является выявление ценностных приоритетов в языковом сознании носителей национальных культур на материале эпических текстов через изучение аксиогенных ситуаций. Отправной точкой осмысления природы ценностей, отраженных в семантике языковых единиц эпических произведений, являются суждения, изложенные в работах В. И. Карасика об изучении статуса и характеристике ценностей с позиции лингвокультурологии [1; 4; 5]. Суть мыслей заключается в том, что, кроме типологии ценностей по содержанию, автор в семиотическом плане выделяет ситуации, осмысление которых прямо связано с определением этих самых ценностей. Подобные ситуации автор называет аксиогенными (ценностно-порождающими), и они свое воплощение находят в определенных типах текстов, или жанрах дискурса таких, как легенды и мифы, повествующих о сотворении мира и подвигах героев, а также в притчах, раскрывающих смысло-жизненные варианты поведения, в пословицах и афоризмах, лапидарно изображающих эти поведенческие паттерны, в анекдотах, показывающих в смешном свете человеческие недостатки и пороки, а также в различных жизненных историях, иллюстрирующих проявление ценностей [4, с. 26].

Аксиогенная ситуация (событие) как важный фактор утверждения системы ценностей носителей той или иной лингвокультуры становится предметом изучения с целью выявления ценностных норм и поведенческих моделей в социуме. Например, работы Л. Н. Бровиковой (аксиогенная ситуация как средство формирования общечеловеческих и традиционных ценностей на примере текстов англоязычных и русскоязычных поэтических произведений) [7], В. И. Карасика (ценностно маркированные ситуации в жанре притчи) [8] и (аксиогенная ситуация как основа ценностной картины мира) [9], А. В. Таскаевой, С. А. Питиной (подвиг как ценностно-порождающая ситуация) [10] и др.

Известно, что назначение древнего эпоса – сохранение и трансляция опыта народной жизни, традиционной ценностной характеристики мира, что предоставляет определенный объем сведений об истории формирования типов и корреляций ценностей, их этнокультурной специфике, динамике существования и ранжирования базовых установок на доминирующее поведение и т. д.

Материалом для анализа послужили эпические тексты «Могучий Эр Соготох» («Модун Эр Соботох») В. О. Каратаева [11], записанный в 1982 г., и «Маадай-Кара» А. Г. Калкина [12], записанный в 1963 г., в которых прослеживаются жизнеутверждающие помыслы, линии поведения, моральные установки, ценностные ориентиры и т. д. героев, детерминированные условиями бытия. Для реконструкции данной концепции получателю глубинной информации эпического текста следует разобраться в смысловом содержании единиц, закодированных в языковом и культурном контексте. Осмысление языковых значений фрагментов соотносится с определенным контекстом культуры этносов, в которой воплощены представления об окружающем мире в дуальном измерении: добро/зло, правильно/неправильно, хорошо/плохо и т. д., регулирующие и дифференцирующие нормы жизни и мотивы поведения человека.

Лингвокультурные ценности в тексте олонхо «Могучий Эр Соготох» («Модун Эр Соботох»)

В плане рассматриваемой проблемы следует отметить работу А. Ф. Корякиной, Л. Н. Герасимовой, посвященную анализу семейных нравственных ценностей с привлечением широкого массива эпических текстов, что позволило авторам конкретизировать доминирующие ценностные установки, связанные с созданием брака, сохранением семейных взаимоотношений, уважением моральных устоев, верований, традиций и т. д. [13].

Анализируемый текст содержит фрагменты, в которых описаны сцены гармоничной и целостной традиционной модели семейной жизни. Например: *Обонньор киһи дьэ көҥүл буолан, / Арыый аҕай «һуу» гынан, / Эмээхсинин бүөбүйдээн, / Сол курдук кэтэһэн олоруттар*

эбит ‘Старик с облегчением / «Уф!» выдохнул / и начал старуху свою выхаживать. / Вот так жили они в ожидании [сына]’ [11, с. 94–95]. В данном контексте смысловую нагрузку о том, что в семье царит взаимоподдержка и взаимоуважение между родителями главного героя, несет глагол *бүөбэйдээ* со значением ‘внимательно и усердно ухаживать за кем-либо, проявляя при этом старательность, преданность и заботу’. Таким образом, пример демонстрирует высокую степень заботливого и искреннего отношения отца Могучего Эр Соготох к его матери, а также глубину их одинаково переживаемого волнения за сына, которая сохраняется до конца повествования. Смысл данной ситуации сводится к основным установкам семейной жизни: 1) следует бережно относиться друг к другу; 2) следует помогать друг другу в любой ситуации; 3) одинаково чувствовать ответственность за судьбу детей.

В следующем фрагменте главный герой предстает как единственная надежда и смысл жизни родителей, из-за которого они испытывают постоянную тревогу и заботу: *Обонньордоох эмээхсин, / Уолларын сураһаары, / ойдон тахсыбыттара: / Көрдөр харахтарын дьүккэтэ, / Көтүлүннэр тиштэрин мишлэтэ, / Көмүрүйдэр сүрэхтэрин чопчута / Илэ бэйэтинэн / Сигэ дьүһүнүнэн кэлэн турар эбит* ‘Старик со старухой, / чтобы спросить о сыне, / во двор выскочили. / Зеница их глаз смотрящих, / десна их зубов выпадающих, / средоточие их сердец бьющихся – / [их сын] в истинном своем облике / наяву перед ними стоит, оказывается’ [11, с. 100–101]. Якутско-русский фразеологический словарь фиксирует *Көрдөр харабым дьүккэтэ, көтүрдэр тишим мишлэтэ* в значении ‘мой милый, мой единственный’ (обычно о детях) и вариант *Көрдөр харабым, көтүрдэр тишим, <көмүлүйдэр сүрэбим >* со значением ‘мой единственный ребенок (который может ухаживать за мной на старости лет)’ [14, с. 237].

В приведенной ситуации выражена следующая реальность: 1) следует любить детей на протяжении всей жизни; 2) следует постоянно проявлять искреннюю заботу и внимание к ребенку, чтобы он, повзрослев, всегда чувствовал свою ответственность и благодарность своим родителям.

Следующий пример складывается из описания ритуальных действий приветствия своих родителей богатыря Могучий Эр Соготох с соблюдением норм коммуникативного поведения в данном этносоциуме. Данное действие состоит из ряда семантически взаимодополняющих элементов – совершение девятикратных поклонов с обращением почтенного приветствия к каждому родителю, завершаемого формульным пожеланием здоровья: *Маннык бэйэлээх / Айыы бухатыыра кэлэн / Кинилэр диэки / Тонхойон, бокулдуоннаан туран, / Ийэлээх абатын диэки / Субу курдук диэн тойуктаах, / Сити курдук диэн кэпсэллээх / Буола турбута эбитэ үһү. / Айан-дъайан үөскэппит, / Аар тойон аҕаккайым, / Иитэн-харайан үөскэппит, / Күбэй хотун ийэккэйим, / Тускулаах бэйэбүтигэр / Тобус бокулдуону ууран туран, / Доруобуйа буоллу-ун!* ‘Вот какого вида / богатырь-айыы, / их приветствуя, / им поклонился, / к матери с отцом обращаясь, / такой тойук затянул, / такие речи повел, / говорят, оказывается. / «Меня сотворивший / почтенный отец мой, / меня вскормившая-воспитавшая / почтенная мать моя, / вот лично вам я, / девять раз поклонившись, / “здравствуйте!”, [говорю]»’ [11, с. 102–103]. Из данного сюжета можно вывести аксиогенные нормы поведения: 1) следует проявлять уважение и почтение родителям за заботу, поддержку, мудрый совет и жизненный опыт; 2) следует помнить и не забывать родителей; 3) следует быть радушным, доброжелательным и ласковым по отношению к родителям.

С точки зрения стратегии коммуникативной ситуации в данном контексте вполне уместным считаем обращение богатыря-айыы к своим родителям с просьбой совершить обряд благословения, благопожелания – *алгыс* перед неминуемым сражением: *Ийэлээх аҕам / Үтүө алгыскытын / Үрдүбэр сүктэрин, / Ааттаах алгыскытын / Санныбар сүктэрин* ‘Мать моя и отец мой, / свое доброе благословение / мне дайте, / свое лучшее благопожелание / мне вручите’ [11, с. 102–103]. Могучий Эр Соготох как сын, превратившийся в богатыря-айыы, проявляет особое доверие, признательность и открытость родителям, он убежден в жизненной силе

особых слов, произнесенных из уст родителей и обращенных к нему с мольбой и просьбой благополучного исхода совершаемых им славных дел. Его повеления *Үрдүбэр сүктэринг / Санньбар сүктэринг* подтверждают тактику его поведения относительно того, что он слова родительского алгыса не просто услышит, а запомнит и усвоит как клятву, чтобы заручиться ее помощью или защитой.

В следующем фрагменте содержатся слова отцовского наказа, напутствия, несущего воодушевляющую и мотивирующую функции, адресованных сыну, с соблюдением элементов композиционно-смысловой структуры этого жанра: вступление, основная часть и заключение: *Модун Эр Соботох / Оболоотор оҕокойум, / Бүөбэйдээтэр бүөбэйим, / Илин атабын / Ибирэ суох буоллун, / Кэлин атабын / Кэбирэ суох буоллунууй, / Саалаахтан самнаайабын, / Охтоохтон охтоойобун, / Стыты тыллаах сынтарыйдын, / Хара харахтаах халбарыйдын* ‘Могучий Эр Соготох, / родимое мое дитя, / взлелеянное мое чадо, / пусть ноги твои впереди себя / никаких преград не встречаются, / пусть ноги твои позади себя, / никаких помех не ведают, / от имеющих оружие – не погибни, / от имеющих луки – не пропади, / пусть имеющий злой язык – не осилит, / пусть имеющий дурной глаз – отвернется’ [11, с. 112–113].

Вступительная часть не лишена высокой степени слов проявления нежности и любви отца к единственному сыну, проявляющейся за счет интенсификаторов в выражениях обращений к сыну. Основная часть наполнена лексемами, выражающими, на первый взгляд, конечности человека как части его тела, но на метафорическом уровне они означают его опору, крепость и зрелую физическую характеристику. В заключении идентификация врага, которого следует остерегаться, формируется за счет ассоциативного выражения некоего противника, имеющего оружие, луки, злой язык и дурной глаз.

Резюмируя эти наблюдения, можно отчетливо выделить модель поведения и межличностные отношения в семье, где сформированы благоприятные супружеские отношения, созданы согласованные воспитательные стили, установлены сплоченные взаиморегулируемые детско-родительские позиции.

В следующем фрагменте текста инициируется осознание героем проблемной ситуации, возникшей в результате оценки собственных действий с предметами окружающего мира, причин явлений и рассуждения по поводу выбора правильного решения: *Өйдөөн-дьүүлээн арай санаа-быта: / Аал уотугар / Ас кээспэтэх эбит, / Күөх уотугар / Көйүү кымыһынан / Күөмэйдээбэтэх эбит. / Атыттан ойон түһэн, / Тобук түһэн олорон, / Күөх уотун / Көйүү кымыһынан күөмэйдээн, / Аал уотунан айахтаан / Субу курдук диэн тойуктаах олорбута үһү* ‘[Могучий Эр Соготох] тут же, / призадумавшись, вспомнил: / священному очагу своему / подношения не делал ведь, / синему пламени очага / крепким кумысом / возлияния не делал ведь. / Соскочив с коня, / колени преклонив, / в синее пламя очага / крепким кумысом плеснул, / в священный очаг угощение бросил, / с такими словами обратился, оказывается’ [11, с. 116–117]. Могучий Эр Соготох осознает и понимает функциональное предназначение угощения Духа огня, чтит исконную традицию обряда его кормления, соблюдает последовательность ритуального действия, признает рациональную установку предписания и запрета и т. д.

В рассматриваемом ниже фрагменте подчеркивается мысль о смысле существования человека в срединном мире: следует иметь семью и растить детей, построить дом и создать подворье, но добрые помыслы могут быть уничтожены противником, злодеем. Главный герой демонстрирует рациональный подход к позиции между добром и злом, тем самым из данного повествования вытекает вывод – принять решение в целях преодоления трудностей во имя реализации намеченного.

Модун Эр Соботох / Олох да олорулуо / Суох быһыылаах диэн, / Аллараа дойдуга / Адьырба күүстээхтэрэ / Аарыма бэртэрэ / Баалларын тухары / Ыал буолан, / Ыыр үктээн, / Оҕо төрөтөн, / Иэримэ дьини иччилиирбит, / Ыччат ууһатарбыт, арааһа, / Суох буолсу быһыылаах – диэн толкуйдааммыта. / Онон аллараа дойду адьырбаларын, / Улуу бэттэрин түөрэлэрин / Суох

гыннахпытына эрэ / Биирдэ сатаныһык диэн өйдөөбүтэ [11, с. 252] ‘Могучий Эр Соготох / <...> решил: мирной жизнью / ему не жить! / «Пока свирепые силачи, / лихие удальцы / Нижнего мира / живы будут – / семью создавать, / подворьем обзаводиться, / детей рожать, / уютного дома хозяином быть, / потомство производить, / видно, нельзя будет», – подумал. / «Поэтому самых свирепых, / самых отъявленных злодеев Нижнего мира / всех уничтожив, / только тогда мирно жить можно», – решил он’ [11, с. 252–253].

Лингвокультурные ценности в тексте эпоса «Маадай-Кара»

С. С. Суразаков оценил сказание «Маадай-Кара» как одно из лучших типичных произведений алтайского героического эпоса по своему содержанию и по поэтическому совершенству [15].

Алтайский героический эпос исследователи считают источником формирования аксиологических ориентиров как в исторической ретроспективе, так и в условиях современности. Проводимые исследования направлены на сохранение традиционных духовно-нравственных устоев, поэтому активно предпринимается попытка выявления аксиологических доминант путем реконструкции ценностного потенциала героического национального эпоса. Например, из работ, освещающих проблему выявления отдельных ценностей в алтайском эпосе, следует выделить работы А. Н. Дмитриенко (стереотипы поведения и ценности народов через алтайский и бурятский эпосы) [16], Н. С. Гребенниковой (алтайский героический эпос как носитель культурного кода этноса) [17], Е. А. Тозыяковой, Н. С. Гребенниковой (проблема человека в алтайском эпосе) [18] и т. д.

В данном тексте, в целом, актуализируется ценностное познание мироустройства с позиции прожитых лет героев сказания через значимость почитания священных мест, например, благодатной земли и уважаемых гор Алтая как родного края. Ороним Алтай в эпическом тексте предстает многократно как ключевое слово с широким семантическим наполнением, и исследователи пишут, что «в обрядовой и шире в фольклорной традиции топоним Алтай имеет широкие смысловые контексты и понимается как “родная земля”, “родовая территория”, “родина богатыря”, “мать и отец”». Также они отмечают, что «в благопожеланиях народ образно отождествляет Алтай с отцом и матерью, выкормившими своих детей» [19, с. 52]. По мнению Т. М. Садаловой, понятие «Алтай»/«алтай» выступает как мифологическое пространство, но в то же время тесно связано с географическим пространством реального Алтая [20].

А. А. Конунов считает, что культ гор является и остается устойчивым элементом в алтайском героическом эпосе. Происхождение многих героев, по мнению автора, есть результат эпической трансформации культа гор [21].

Например: *Күзүң илү бу Алтайга / Күн бардырбай, једип келди. / Алтын ташту Алтайына / Аткан октый келбей кайтты. / Ада болгон бу тайгага / Бийеледип чыкпай кайтты. / Алтайына бу келерде, / Анаң јараи ол көрүнди* [12, с. 81] ‘На Алтай свой со звоном колокольчиков / До захода солнца прибыл, / На Алтай свой златокаменный / Как пущенная стрела примчался. / На гору, которую как отца почитает, / В пляс пустив [коня], поднялся. / Когда он вернулся на свою землю, / Она ему краше прежнего показалась’ [12, с. 266]. Из приведенного повествования вытекает прескрипция о том, что родная земля – это малая родина, где живут отец и мать, родные места, куда хочется возвращаться, земля, которую следует защищать и оберегать.

В нижеприводимом контексте важная роль отведена образу духа-хозяйки Алтая – почтенной старухи, которой суждено было вырастить и воспитать главного героя – Когюдей-Мергена. На нее как на хозяйку Алтая возложена миссия ретранслятора правил поведения и деятельности обитателей в пространстве взаимодействия с окружающей природой. Ее наставления молодым заключаются в интенциях не забывать родные корни, проявлять уважение к старшим и младшим, быть осторожным и рассудительным в общении с соперниками. Подобные наставления помогают ориентироваться в коммуникативном пространстве и позволяют выработать стратегии предпочтительного поведения в зависимости от оценки создавшейся ситуации. Например:

Абакай најы айтнай кайтты: / «Айланайын балам – деди, / Алтай јеринг ундуба – дийт. / <...> Јаан улус туштагазын, / Өрөкөн деп адап јүрзөң, / Јаи улустар туштагазын, / Эзен-амыр сура, балам. / Бөрү болуп кубулба – дийт, / Бөрү алды айа – деди. / Бөккөгө салдырып јүткүбө – дийт» [12, с. 125–126] ‘Почтенная старуха сказала: / «Дорогое мое дитя, / Свою землю не забывай. <...> / Если встретятся старые люди, / «Почтенными» их называй. / Если молодые люди встретятся / Поздоровайся с ними, дитя. / Подобным волку не будь – / На волка самострел ставят, / На свою силу надеясь, [в драку] не лезь» [12, с. 312].

В следующем сюжете представлена сцена ответной реакции Когюдей-Мергена на наставления почтенной старухи-хозяйки родной земли. Он совершает обряд поклонения духам реки и родной местности Алтая с соблюдением ритуальных действий: снимает головной убор и кланяется духу-властелину воды; ладони разводит и приветствует хозяина родной земли: *Атту-чуулу карганагым / Айткан бойы база айтты: / «Ары көрзөн, балам», – деди. / Көгүдей-Мерген көөркий уул / Ары көрөлө, бери көрзө, / Карганагы јоголо бертир. / Мыны көргөн Көгүдей-Мерген / Кумдус бөркин ушта тартып, / Көк талайга мүргүн салды, / Алаканын јайа тудуп, / Алтайына мүргүн салды [12, с. 126] ‘Славная старушка, / Сказав это, добавила: / «Посмотри назад, дитя мое». / Когюдей-Мерген, дорогой сын, / Назад оглянулся, а [когда снова] повернулся: / Старуха, оказывается, исчезла. / Увидев это, Когюдей-Мерген / Бобровую шапку свою снял, / Поклонился синей реке, / Ладони свои раскрыл, / Поклонился Алтаю» [12, с. 313]. В данном примере сформулирована прагматическая установка: 1) следует соблюдать обряд почитания духов или хозяина местности, горы, реки, перевалов и т. д.; 2) сохранять и передавать по традиции обязательные ритуалы соблюдения культа природы.*

В следующей ситуации зафиксированы эпизоды возвращения домой героя, сцены его встречи с матерью и отцом, в которых воспеваются сформированные взаимоотношения между сыном и родителями с соблюдением принятых норм приветствия как с матерью, так и с отцом. В примере актуализируется одна из жизненных ценностей: почитать отца и мать, т. е. уважать делом и словом, ценить и дорожить, оберегать и защищать: *Баатыр уул базып келип: / «Эзен, эзен, энем» – деди, / Энезининг колынан тутты. / «Амыр, амыр, адам»– деди, / Алаканын јайа тутты. / Кобы кептү бу лай колын / Коштой тудуп эзендешти, / Коо кырландый бу тумчугын / Арчий тудуп бу окшошты. / Јалаң кептү алаканын / Јайа тудуп эзендешти, / Јалбыш кептү бу јүрегин / Јаба тудуп ол окшошты [12, с. 158] ‘Молодой богатырь [к родителям] подошел / «Здравствуй, здравствуй, мать», – сказал, / За руку мать свою взял. / «Мир тебе, мир тебе, отец», – сказал, / Широкою ладонь раскрыл. / Длинные, как ложбины, руки / Друг другу подав, поздоровались, / Подобные прямым хребтам носы / Скрестив, поцеловались. / Открытые, как луг, ладони / Раскрыв, поздоровались. / Пламенные свои сердца / Прижав друг к другу, поцеловались» [12, с. 346].*

Почитание родителей – отца и мать – является мотивирующим фактором для совершения благоразумных поступков героя эпоса, для актуализации самостоятельных суждений относительно аксиологически ориентированных действий: *Ада-энезине айдын турат: / «Айланайын, адам-энем, / Мал азыранагы ырысту – дийт, / Бала азыраганы алкышту – дийт. / Алкыш болзын слерге – деди. / Айткан сөзөөр угарым – дийт, / Алтайыма јанарым – дийт. / Эзен-амыр эне-адама / Туштап алганым јакшы!» – деди [12, с. 160] ‘Отцу и матери говорит: / «Милые мои отец и мать, / Когда скот кормишь – это счастье принесет, / Ребенка вырастишь – он поблагодарит. / Спасибо вам [за все]! / Просьбу вашу я выполню, / На свою землю возвращаюсь, / Хорошо, что я встретился / С живыми и здоровыми родителями!»» [12, с. 348].*

Заслуживает внимания следующий фрагмент, содержащий обращенные к сыну слова благословения отца и матери перед трудной дорогой. Суть благословения – это оберег с целью предупреждать, остерегать от нападков врага, избегать вреда здоровью и угрозы для жизни, пожелания пути без преград и благополучного возвращения домой: *Артын калган ада-энези / Кийиннен ары алкадылар: / «Јаактуга айттырбазын, / Јарындуга соктырбазын, / Ичи куру*

аштабазын, / Ийни үзүлүп самтрабазын, / Ырысту ол жоруктазын, / Амыр једип јанзын» – дешти [12, с. 161] ‘Оставшиеся мать и отец / Сына вслед благословляли: / «Имеющий язык пусть не оскорбит тебя, / Имеющий плечи пусть не ударит тебя, / Желудок твой пусть голодным не будет, / Плечи твои пусть рваными не будут, / Счастливым путь твой пусть будет, / Мирно до дома доберись!»’ [12, с. 349].

Ценностнодержательной основой являются слова Когюдей-Мерген, сущность которых сводится к оценке жизненных обстоятельств с целью выработки рациональной тактики действий: *Азыраган адамайдын / Айры саалын сыймайын деп, / Эркелеген энемейдин / Эки көзин көрөйин деп, / Ак тумандый ак малымнын / Артканын ла алайын деп, / Ак чырайлу албатымды / Јайымдайын эмди ле деп, / Јер бийлеген бу кааннаг / Сенен очимди некеп келдим [12, с. 180–181] ‘Чтобы погладить раздвоенную бороду / Вскормившего меня отца, / Чтобы посмотреть в глаза / Ласкавшей меня матери, / Чтобы возвратить остатки / Белому туману подобного скота, / Чтобы освободить / Светлоликий народ свой, / Чтобы отомстить каану, господствующему / над всей землей, / Я приехал’ [12, с. 369].*

В следующем фрагменте заключены слова обращения к людям не только лунно-солнечного Алтая, но и ко всем. Его обращение – это призыв жить и созидать, а не разрушать и воевать, растить детей, и в этом заключается смысл счастливой жизни, быть сплоченным и единым как один народ: « <...> / *Айлу-күндү Алтайаарга / Амыр-энчү јадыгар – дийт. / Бала-барка ол азырап, / Ырысту јадын јуртагар – дийт. / Тенериге мен чыгала, / Албаты јадынан көр турарым. / Алтынан өрө көрүнүп турар / Јылдыс болуп барарым» – дийт [12, с. 246] ‘<...> / На лунно-солнечном Алтае / Мирно-спокойно живите. / Детей своих растя, / Счастливой жизнью живите. / Я же сам на небо поднимусь, / Стану яркой звездой, / За жизнью народа буду смотреть, / Снизу меня будет видно», – говорил’ [12, с. 436]. Из данного нарратива можно вывести следующие мотивы миропонимания: следует жить на своей родине; спокойно жить можно, если не будет войн и конфликтов; следует создавать семьи и воспитывать детей, что есть смысл жизни в Среднем мире.*

Заключение

Материалом для анализа послужили фрагменты, содержащие высказывания героев, а также отдельные сюжетные эпизоды из данных текстов. Анализ ценностно маркированных речений героев сказаний показывает, что культурно значимыми и приоритетными ценностями в обоих текстах можно считать витальные, духовно-нравственные, моральные, терминальные, которые осознаются действующими лицами, мотивируют и детерминируют их действия, поступки.

Тип нарратива, как было представлено ранее в обзоре литературы по проблеме, имеет существенное значение и влияние на выбор приоритетного мотива поведения героев, исходя из особенностей характера миропонимания.

Данные эпические сказания близки по своим сюжетным линиям, которые дают возможность для интерпретационного подхода к мотивам установления приоритетных норм поведения в рассматриваемых лингвокультурах. Назначение древнего эпоса – осмысление жизнеутверждающих ориентиров, которые предоставляются главному герою для того, чтобы обрести жизненный опыт (мудрость) во имя совершения благородных деяний с целью устройства окружающего мира. В основе своей сюжетные линии содержат ценностный характер, который служит референтной базой для интерпретации и осмысления. Аксиогенные ситуации, выявленные в сказаниях, относительно идентично выражают общечеловеческие приоритеты поведения, например, в эпизодах о родине, о родном доме, об особом отношении к ребенку, об уважении и любви к родителям, о традициях. В целом, наблюдается преобладание аксиогенных ситуаций, в основном, содержащих сочетание моральных, витальных и духовно-нравственных ценностей, нежели, например, утилитарных.

Литература

1. Карасик, В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире : материалы VII Международной научно-практической конференции. – Калининград : Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. – С. 22–25.
2. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – Москва : Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
3. Шевякина, С. В. Языковые средства трансформации ценностно-ориентационного лингвокультурного пространства (на материале интернет-дискурса психологии ЗОЖ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ставрополь, 2023. – 30 с.
4. Карасик, В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. – 2015. – № 1 (32). – С. 25–35.
5. Карасик, В. И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 59–75. – DOI : 10.17223/19996195/47/4.
6. Федосеева, Л. Н. Ценности и оценки в системе аксиологии русской лингвокультуры (на примере пространственного фрагмента картины мира) // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 3А. – С. 134–141.
7. Бровикова, Л. Н. Аксиогенная ситуация в англоязычной и русскоязычной поэзии для детей // Электронный научно-образовательный журнал «Грани познания». – 2018. – № 6 (59). – С. 8–12.
8. Карасик, В. И. Аксиогенные ситуации в притчах // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 2 (7). – С. 87–95.
9. Карасик, В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65–75.
10. Таскаева, А. В., Питина, С. А. Подвиг как ценностнопорождающая ситуация // Героическая лингвистика: монография. – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2020. – С. 107–115.
11. Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох» / сказитель В. О. Каратаев ; перевод : П. Е. Ефремова, С. П. Ойунской, Н. В. Емельянова. – Новосибирск : Наука, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока ; т. 10). (На якутском и рус. яз.)
12. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / сказитель А. Г. Калкин; запись текста, перевод и приложения С. С. Суразакова. – Москва : Наука, 1973. – 474 с. – (Эпос народов СССР). (На алтайском и рус. яз.)
13. Корякина, А. Ф., Герасимова, Л. Н. Семейные ценности якутского народа в эпосе олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 13. – Выпуск 11. – С. 91–96.
14. Нелунов, А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Т. I. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 287 с.
15. Суразаков, С. С. Алтайский героический эпос и сказание «Маадай-Кара» // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 3. – С. 106–121.
16. Дмитриенко, А. Н. Богатырь и его конь в алтайском и бурятском эпосе: стереотипы поведения и ценности народов // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 83–89.
17. Гребенникова, Н. С. Эпос как генератор смыслов в современной алтайской культуре // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Ф. И. Куликов. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2014. – С. 85–91.
18. Тозыякова, Е. А., Гребенникова, Н. С. Человек в алтайской эпической картине мира в контексте проблемы национальной идентичности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14, Выпуск 10. – С. 2952–2957.
19. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Коллективная монография / редколлегия : Н. В. Екеев (ответственный редактор), Е. Н. Кузьмина (научный редактор), А. А. Конунов, Н. О. Тадышева. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. – 704 с.
20. Садалова, Т. М. О мифологическом пространстве «Алтай» в эпосе «Гэсэр» // Эпос «Гэсэр» – духовное наследие народов Центральной Азии: сборник научных статей. – Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2020. – С. 72–74.
21. Конунов, А. А. Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях // Народы и религии Евразии. – 2010. – Том 10. – С. 335–341.

References

1. Karasik, V. I. Values as culturally significant reference points of behavior. Humanitarian technologies in the modern world: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. Kaliningrad, Western branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019, pp. 22–25. (In Rus.)
2. Alefirenko, N. F. Lingocultural studies: value-semantic space of the language. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010, 224 p. (In Rus.)
3. Shevyakina, S. V. Linguistic means of transforming the value-orientation linguocultural space (based on the Internet discourse of healthy lifestyle psychology): dissertation thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Stavropol, 2023, 30 p. (In Rus.)
4. Karasik, V. I. Linguocultural values in discourse. *Foreign Languages in High Education*. 2015, no. 1(32), pp. 25–35. (In Rus.)
5. Karasik, V. I. Narrative dimension of linguocultural values. *Language and Culture*. 2019, no. 47, pp. 59–75. DOI: 10.17223/19996195/47/4. (In Rus.)
6. Fedoseeva, L. N. Values and evaluations in the axiological system of the Russian linguistic culture (using a spatial fragment of the picture of the world as an example). *Culture and Civilization*. 2017, no. 3A, vol. 7, pp. 134–141. (In Rus.)
7. Brovikova, L. N. Axiogenic situation in English and Russian poetry for children. *Electronic scientific and educational journal "Facets of Knowledge"*. 2018, no. 6(59), pp. 8–12. (In Rus.)
8. Karasik, V. I. Axiogenic situations in parables. *Volga Region Pedagogical Search*. 2015, no. 2(7), pp. 87–95. (In Rus.)
9. Karasik, V. I. Axiogenic situation as an unit of evaluative worldview. *Political Linguistics*. 2014, no. 1(47), pp. 65–75. (In Rus.)
10. Taskaeva, A. V., Pitina, S. A. Feat as a value-generating situation. In: Heroic linguistics: monograph. Chelyabinsk, Publ. house of Chelyabinsk State University, 2020, pp. 107–115. (In Rus.)
11. Yakut heroic epic. "The Mighty Er Sogotkh". Storyteller V. O. Karataev; translation: P. E. Efremov, S. P. Oyunskaia, N. V. Yemelyanov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 440 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 10). (In Yakut and Rus.)
12. Maadai Kara. Altai heroic epic. Storyteller A. G. Kalkin; text recording, translation and appendices S. S. Surazakov. Moscow, Nauka Publ., 1973, 474 p. (Epic of the peoples of the USSR). (In Altai and Rus.)
13. Koriakina, A. F., Gerasimova, L. N. Family values of the Yakut people in the Olonkho epic. *Philology. Theory & Practice*. 2020, vol. 13, iss. 11, pp. 91–96. (In Rus.)
14. Nelunov A. G. Yakut-Russian Phraseological Dictionary. Vol. 1. Novosibirsk, Publ. House of the SB RAS, 1998, 287 p.
15. Surazakov, S. S. Altai heroic epic and the legend "Maadai-Kara". *Siberian Pedagogical Journal*. 2006, no. 3, pp. 106–121. (In Rus.)
16. Dmitrienko, A. N. A hero and his horse in the Altai and Buryat epic: behavioral stereotypes and values of the peoples. *Siberian Journal of Philology*. 2014, no. 4, pp. 83–89. (In Rus.)
17. Grebennikova, N. S. Epic as generator of meanings in contemporary Altai culture. In: History and Culture of the peoples of South-Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China): materials of the international scientific and practical conference. Executive editor F. I. Kulikov. Gorno-Altai, PPD GASU, 2014, pp. 85–91. (In Rus.)
18. Tozyiakova, E. A., Grebennikova N. S. The Man in the Altai epic worldview in the context of the national identity problem. *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14, iss. 10, pp. 2952–2957. (In Rus.)
19. Ritualism in the traditional culture of the Altaians. Collective monograph. Editorial board: N. V. Ekeyev (editor-in-chief), E. N. Kuzmina (scientific ed.), A. A. Konunov, N. O. Tadysheva. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ. House, 2019, 704 p. (In Rus.)
20. Sadalova, T. M. About the mythological space "Altai" in the epic "Geser". In: The epic "Geser" – the spiritual heritage of the peoples of Central Asia: collection of scientific articles. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ. House, 2020, pp. 72–74. (In Rus.)
21. Konunov, A. A. Reflection of the cult of mountains in Altai heroic tales. *Nations and Religions of Eurasia*. 2010, vol. 10, pp. 335–341 (In Rus.)